

В память о Гилле Девисе

«Перемены трудны, а надежда жестока».

Лиам Ректор, «Песенные годы»

I

Как только я выскакиваю на асфальт и чувствую под собой гладкую серую ленту, все к чертям меняется. Вокруг новенький, свежий мир — прилизанный, ровный, легкий. Двигатель воет, ветер хлещет в окно, только звуки негромкие, мягкие. Культурные прямо-таки. Ты вроде еще на земле, но уже ее не замечаешь. С ума сойти. Можно подумать, я раньше в машине не ездил. Но когда месяцами бродишь чумазым козлом на своих двоих, когда столько времени тычешься мордой в колючки и камни, тогда в машине ой как круто. Просто офигенно. Я будто ангел. Стрела света.

Твою налево, вот он я — выжимаю уже сотню, причем даже не на верхней передаче. Утопаю в мягкой обивке, нюхаю хвойную штучку, которая болтается на зеркале. Лечу. При этом сижу на заднице. Взлетаю над землей. Из грязи. Я больше не животное.

Кто же тогда? Я тот, кто подберется к вам незаметно, ясно? Тот, кого вы даже вообразить не в состоянии.

Скажем, я позвоню вам, вы удивитесь, что за дела, любой из вас удивится и почувствует, как пересохло во рту. Может, вы незнакомец, чей номер я набрал случайно, кнопки сами в кармане нажались. Может, вы придурок из школы, которого я разыскиваю. Любой из вас услышит мой голос и подумает — просто ветер. Птичий писк. Вас мигом прошибет пот. Будто я — конец света.

Ладно, не парьтесь. Я не простил, никого из вас не простил, но теперь я выше этого. Вы все в прошлом.

Да и телефон у меня разряжен. Подключен к приборной доске — то ли заряжается, то ли умирает, не знаю. Так что расслабьтесь, я не позвоню. Все изменилось. Я не тот, кем был. Теперь я лишь мысль, которая летит по автостраде на север, туда, где жарко, безопасно и скрытно. Мне нужно кое-кого забрать. В Магните. Она ждет. По крайней мере, я надеюсь.

Пятая передача. Я не сразу ее нашел, но вот уже пятая. Мимо пролетает красная земля. Заросли акации — мультга-скраб. Блестящие валуны. Сбитые машинами вороны. Сзади хлюпают канистры, воняют на весь джип. Но окна открыты, дует теплый ветер, и едкий запах горячего перебивает дух крови.

Я вдруг чувствую голод. Отбрасываю дробовик четверста десятого калибра на заднее сиде-

нье. Отпихиваю коробку с патронами и добираюсь до еды. Она еще теплая, жестяная тарелка не остыла. Вкусно, жирно, отдает дымком. С первым же куском в меня вливаются силы.

Так и еду, на самой высокой допустимой скорости; одной рукой держу мясо, другой руль. Смеюсь во все горло, даже закашливаюсь. Впервые в жизни я знаю, чего хочу, и у меня есть то, что доставит меня к цели. Если вы никогда подобного не испытывали, мне вас жаль.

Но так было не всегда. Чтобы оказаться здесь, я пережил ад. Я видел и творил то, чего вы бы не одобрили. И со мной творили то же самое... Поэтому радуйтесь за меня, мать вашу. И, ради всего святого, не становитесь у меня на пути.

В день, когда старая жизнь кончилась, я до захода солнца сидел под трибуной, баюкал свой подбитый глаз и ненавидел Гондона. Мама всегда ругалась, если я называл его так за спиной. Капитан Гондон. Капитан. Или просто Кэп, сокращенно. Мама твердила — нельзя говорить такое про отца. Мне было все равно. Этот помойный горшок относился по-скотски к нам обоим, и я желал ему смерти. О чем и молился в тот момент, сидя под трибуной.

От ладоней несло мясом. Я сжимал их в кулаки, твердые и гладкие, как распиленная говьяжья

голяшка. Глазел на них долго-долго, уже темно и не было ничего видно, но в гудящей голове все равно висела четкая картинка: в одном кулаке у меня мясницкий топор, а в другом — разделочный нож. Я ощущал их, будто по-настоящему. Стискивал эти воображаемые штуки, стискивал... Аж руки свело судорогой. Пришлось выползти на ночной воздух, чтобы опять не вырубиться.

На улице оказалось прохладней, чем под трибуной. Стояла темень, светили только городские огни. Где-то в отдалении пацаны гоняли мяч, слышались голоса и тяжелые удары, от которых меня затрясло. Что делать, куда идти? Денег нет... Мне бы сейчас льда. Замороженной воды, в смысле. Приложить к глазу, а то он уже почти заплыл. Вот черт, и на голове сбоку шишка растет...

Небо было черное, пустое — когда Гондон мне врезал, я и то больше звезд увидел. Сколько сейчас времени, интересно?

Пару часов назад я очнулся в магазине, в ящике с костями. Пришел в себя, очумелый, в грудке скользких голяшек, фаланг и куриных скелетов. Не сразу понял, где я и как сюда попал. Правда, быстро сообразил. Где? На работе, ясное дело. Как загремел в ящик? Да как обычно. У старины Капитана зимой снега не выпросишь, но если появляется возможность ударить исподтишка, он тут как тут со своим подарочком, Санта долбаный.

В зале играло радио. Воняло лимонным моющим средством. Значит, мы уже закрылись. И теперь этот тупой хрен самостоятельно отмывает подносы и драит полы. Придурок. Весь день ругает, называет лентяем и бездельником, а потом устраивает мне полную нетрудоспособность, когда работы больше всего. Неудивительно, что он так преуспел в бизнесе.

Я выглянул из-за собственных коленок, попробовал встать на ноги. Господи, ну и пришлось же попотеть! Хорошая, думаю, была картинка. Джек-си Клактон, крутой тип, от которого детвора разбегаются по всей округе. Вот он неуклюже выбирается из груды жирных костей, точно пьяная муха. Обхохочешься. Но я таки смог. Вцепился в лавку. Оттолкнулся от забрызганной дерьмом стены. Застыл. Голова шла кругом. Я, наверное, напоминал аквариумную рыбку: хватал ртом воздух, таращил глаза на дверной проем, на тошнотворные липкие полоски для ловли насекомых. Оттуда, из-за перегородки, доносились звуки — шлепала швабра, гонялось пинками по полу ведро, пыхтел и хрипел Капитан, без остановки бубнил, что от меня никакой пользы, что уж он-то вобьет мне в башку парочку правил. Мысленно я уже исчез. Выскочил на улицу и сбежал незамеченным. На деле же я двигался, как в замедленном кино. А он мог войти в любую секунду, схватить меня за ухо и вре-

зять раз-другой для разминки. Я приказал себе шевелиться, начал развязывать фартук и снимать дебилные мясницкие ботинки. Было непросто — с плывущей-то головой и сосисками вместо пальцев. Я все же справился, подхватил кеды, скейтборд и улизнул через черный ход.

Воздух оказался теплым, день почти закончился. Я вгляделся в тени на улице, прищурился и чуть не взвыл от боли. Потрогал лицо — раздутое и будто лезвиями утыканное. Вроде следовало радоваться, что я удрал, только идти было некуда. Хотелось одного — лечь в кровать и приложить к лицу мешочек с горохом. Но возвращаться домой опасно, пока Гондон не накачается под завязку. А на это нужно время. Весь день он работал пьяным, нормальное состояние. Однако, чтобы упиться вусмерть, ему требовалась пара-тройка часов напряженного отдыха. Сперва Капитан Гондон заседал на толчке, потом принимал душ, хотя и не всегда. Сдирал повязку с глаза и разгуливал в одних трусах. Пустая глазница походила на кошачью задницу. Гондон вынимал из холодильника двухлитровую бутылку колы, выливал половину в раковину и опять наполнял до верха, но уже бандабергским ромом.

Домой нельзя, пока Гондон не вылакает свое лекарство. Потом побродит немножко вокруг. Поищет себе место то там, то здесь. В сарае. Во дворе,

который выходит на огороженные поля и железно-дорожные пути. Обычно Кэп оседал в большом кресле-реклайнере перед теликом и вырубался, с включенным светом и не задернутыми занавесками. Храпел так, что стекла дребезжали. Подсказывал — пора действовать. Уже можно подкрасться ближе. Постоять снаружи в темноте. Внимательно понаблюдать в окно за Гондоном. Убедиться, что он и правда в отключке. Войти через черный ход. Похозяйничать в кухне, пока есть возможность. И быстро нырнуть в свою комнату. Запереть дверь, придвинуть к ней письменный стол. И дать Гондону выспаться. Завтра будет новый день. Очередной паршивый и убогий день, и так раз за разом. А пока идти некуда, только на футбольный стадион.

Потому я тут и прятался, как девчонка. В придорожной закускойной или в пабе можно было нарваться на проблемы, оставалось отсиживаться под трибуной. Такие дела. Я вдохнул свежего воздуха и залез обратно под балки, туда, где валялись коробки из-под чипсов, старые презервативы и жестяные банки из-под бурбона «Джим Бим».

Я ждал до темноты. Потом еще пару часов. Не смотрел в телефон, чтобы узнать время или проверить сообщения, не рисковал: свет — предатель, это усваиваешь с первого раза. Нужно просто терпеть и держаться.

Мысленно я видел, как Гондон вливает в себя дозу за дозой, будто участвует в идиотском состязании — кто быстрее всех в городе напьется в стельку. Сид Клактон, чемпион мира по бандбергскому рому. Капитан Гондон, главный мясник, специалист по сбитым на дороге животным и птицам, самый пьяный человек на свете. Гордость Монктона, великий герой! Я представлял, как этот засранец поджаривает себе сосиски на сковородке и орет на телик. Недоумки, заткнитесь, что за уродливая девка, полная хрень. Без остановки. Не обязательно быть там, чтобы слышать. Я сидел и думал — вот бы все оказалось ядом. Ром, пиво, мясо, проклятый воздух, который с храпом вдыхает Гондон. Вот бы он сдох и оставил меня в покое. Если Бог существует, пусть в кои-то веки поступит справедливо и убьет этого мудака раз и навсегда. Ведь любому человеку нужно лишь одно — чувствовать себя в безопасности. Покой — вот все, о чем я мечтаю.

То есть так я думал. Однако мысль быстро устаревала. Скоро я уже не хотел ничего, кроме тех самых сосисок со сковородки. Чертов покой подождет. Я голоден, как акула. К тому же лучше не шататься по улицам после закрытия, когда половина посетителей из бара повалит в парк искать приключений. У меня не было ни малейшего желания выяснять отношения с черномазыми, нала-

кавшимися дешевого пойла, или со стажерами из «Джона Дира». Сил драться не осталось, и я решил, что ждать хватит.

Вылез из-под старой деревянной трибуны, прислушался. Ни звука. Сунул скейт под мышку, крадучись добрался до деревьев вокруг стадиона и дошел под ними до фонарей и асфальта. Оттуда уже покатил домой.

Наша улица будто вымерла. В парочке окон светились телевизоры, хотя снаружи я никого не замечал. Не курили на крыльце Пакстоны, не поливала ничего из шланга миссис Махуд, которая поливала целыми днями.

В доме было темно, но сквозь открытые двери сарая виднелся свет. Играло радио. Я немного постоял на подъездной дорожке, во мраке. Собрался с духом. Уж лучше я зайду туда сразу, чем Гондон застанет меня перед открытым холодильником. Лучше буду наготове.

Я двинулся к сараю и остановился. Сам не знаю почему. Заглянул в дверной проем. Увидел пикап Гондона. Полку у дальней стены, заваленную походным снаряжением. Большой круглый абажур, о который бились ночные мотыльки. Может, Гондон внутри, цедит домашнее пиво из бочонка? Но сегодня же не выходной день. К тому же, когда Гондон откупоривал новую пар-